

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Серегин Н.Н. *, Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); tishkin210@mail.ru (Тишкин А.А.);
matrenins@mail.ru (Матренин С.С.); taty-parshikova@yandex.ru (Паршикова Т.С.)

НЕОРДИНАРНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПОДРОСТКА С ВОИНСКИМ ИНВЕНТАРЕМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ ЧОБУРАК-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена введению в научный оборот и разноплановой интерпретации своеобразного погребения молодого человека 13–15 лет, раскопанного на некрополе булан-кобинской культуры Чобурак-I в Северном Алтае. В могиле зафиксирован полноценный «мужской» инвентарь, но отсутствовал верховой конь. Изучение выявленных предметов, а также данные радиоуглеродного анализа позволили датировать комплекс в рамках второй половины IV — первой половины V в. н.э. Сделан предварительный вывод об «особом» прижизненном статусе данного индивида, физическое развитие которого могло отставать от нормы.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, жужанское время, погребение, хронология, интерпретация, социальная история.

Введение

На сегодняшний день культура населения Алтая в жужанское время (вторая половина IV — первая половина V в. н.э.) изучена по результатам раскопок нескольких некрополей булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 229–250]. Опыт анализа материалов показывает, что сохраняются дискуссионные вопросы, связанные с хронологической, этнической и социальной интерпретацией выявленных археологических объектов. Эта ситуация в немалой степени обусловлена фрагментарным введением в научный оборот данных о полевых изысканиях, осуществленных в разных частях Алтая. Выходом из нее может стать полноценное издание результатов мультидисциплинарных исследований целиком раскопанных памятников на обозначенной территории, датируемых рубежом поздней древности и раннего средневековья.

Одним из ярких комплексов заключительного этапа существования булан-кобинской культуры Алтая является некрополь Чобурак-I. В последние годы материалы, полученные в ходе раскопок данного памятника, вводятся в научный оборот, что расширяет источниковую базу для изучения культуры населения региона в жужанское время [Серегин и др., 2018–2020 и др.]. Настоящая статья посвящена публикации своеобразного погребения на указанном могильнике, анализ которого позволяет затронуть ряд частных и общих вопросов реконструкции истории кочевников Алтая второй четверти — середины I тыс. н.э.

Характеристика материалов раскопок

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катунь, в 3,6 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Он исследовался экспедициями Алтайского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН в конце 1980-х — начале 1990-х гг., а также в 2007 г. [Бородовский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008, с. 55–63, рис. 3–8; Кирюшин и др., 2010, с. 30–39, рис. 14–18]. Эти работы были связаны с реализацией охранных мероприятий в зоне предполагаемого затопления для планировавшейся гидроэлектростанции. В связи с закрытием данного масштабного проекта полевые изыскания оказались прерваны. В полевые сезоны 2015–2020 гг. Чемальская археологическая экспедиция АлтГУ под руководством одного из авторов статьи исследовала более 30 объектов, отражающих особенности материальной и духовной культуры населения Северного Алтая в энеолите — раннем средневековье. Отдельную группу изученных сооружений составляет серия погребений эпохи Великого переселения народов.

* Corresponding author.

Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени...

Рис. 1. Расположение археологического комплекса Чобурак-1.
 Fig. 1. Location of the Choburak-I archaeological complex.

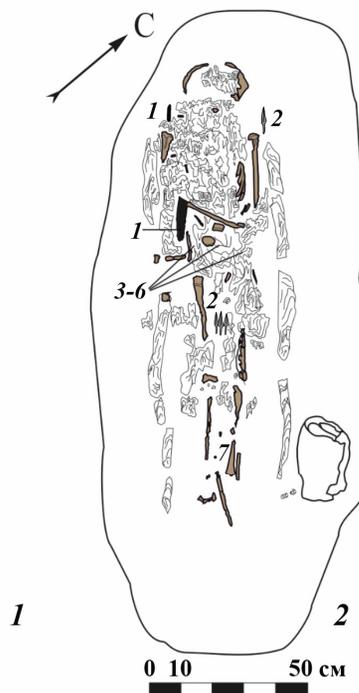

Рис. 2. Чобурак-1, курган № 29а:

1 — расположение кургана в составе цепочки объектов; 2 — план могилы (1 — костяные (роговые) накладки на лук; 2 — железные наконечники стрел; 3 — железные элементы пояса; 4 — железный нож; 5 — костяная рукоять плети; 6 — костяной (роговой) гребень; 7 — костяная (роговая) пряжка). Фотоснимок выполнен Н.Н. Серегиним.

Fig. 2. Choburak-I, mound 29a:

1 — the location of the mound in the chain of objects; 2 — plan of the grave (1 — bone (horn) bow pads; 2 — iron arrowheads; 3 — iron elements of the belt; 4 — iron knife; 5 — bone handle of the whip; 6 — bone (horn) crest; 7 — bone (horn) buckle). Photo by N.N. Seregin.

Курган № 29а располагался в центральной части погребально-поминального комплекса Чобурак-1 в составе одной из цепочек, сформировавших небольшой могильник из компактно локализованных объектов (рис. 2, 1). Курган представлял собой небольшую выкладку подовальной формы размерами 3,5×2,0 м, высотой до 0,4 м, сооруженную из мелких и средних кам-

ней. По периметру насыпи фиксировались более крупные камни, которые не образовывали четкую крепиду. В границах выкладки выявлена могильная яма овально-вытянутой формы длиной 2,1 м, шириной 0,85 м со слегка наклонными стенками.

В могильной яме на глубине 0,88–0,95 м от уровня древнего горизонта было расчищено захоронение подростка мужского пола 13–15 лет¹, совершенное по обряду ингумации (рис. 2, 2). Умерший находился в деревянной конструкции, остатки которой фиксировались на костяке и по обеим сторонам от него. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине и был ориентирован головой на северо-запад. Сохранность скелета оказалась плохой из-за воздействия деревянного сооружения, вероятно, представлявшего собой неполный «ящик» или раму с продольным перекрытием.

При умершем выявлена серия предметов сопроводительного инвентаря. На правой части тела покойного находился сложносоставной лук, от которого сохранились семь костяных (роговых) накладок. Комплект оружия дальнего боя дополнялся наконечниками стрел, из которых шесть выявлены в виде скопления в области ног подростка, а один обнаружен отдельно у его правого плеча. Основной массив изделий (железные элементы пояса и нож, костяные рукоять плети и гребень) располагался в области таза умершего. У ног погребенного зафиксирована небольшая костяная пряжка. Кроме того, в ходе разборки курганной насыпи был обнаружен железный нож довольно хорошей сохранности.

Зафиксированный комплекс предметов сопроводительного инвентаря весьма информативен для уточнения датировки публикуемого объекта, что призвано стать одним из оснований для последующей разноплановой интерпретации погребения.

Анализ предметного комплекса

В исследованном захоронении зафиксирован разнообразный сопроводительный инвентарь, в том числе хронологически показательные категории изделий. Наиболее многочисленный комплекс вещей включает предметы вооружения и детали снаряжения.

Сложносоставной лук представлен комплектом из семи сохранившихся костяных (роговых) накладок: две пары концевых боковых на верхний и нижний рог кибити, две срединные боковые, одна срединная тыльная. Концевые верхние накладки размещались на грудной клетке, концевые нижние — у правых берцовых костей, срединные — на правом плече. Тыльная поверхность всех накладок покрыта резными насечками, образующими наклонную сетку. Судя по соотношению длины концевых накладок, перед нами образец лука с равновеликими (симметричными) плечами. Расположение костяных (роговых) элементов конструкции указывает на то, что лук мог быть сломан или разобран на части.

Луки рассматриваемой конструкции широко применялись в азиатском регионе во II в. до н.э. — V в. н.э. [Худяков, 1991, с. 49–51; Горбунов, 2006, с. 9–27]. Для уточнения их датировки определяющее значение имеют особенности оформления усиливающих костяных (роговых) пластин. Две пары концевых боковых накладок на верхний и нижний рог лука дуговидные длинные (26,5–27 см) шириной 1,2–1,6 см, тонкие (0,3–0,4 см) с округлой головкой (рис. 3, 1, 2, 6, 7). Такие изделия являлись производными от соответствующих хуннских экземпляров, относящихся к концу III в. до н.э. — I в. н.э. Их облик в период существования булан-кобинской культуры не претерпел видимых изменений. Срединные боковые накладки (рис. 3, 3, 5) с дуговидным абрисом удлиненных пропорций (длина — 27 см, максимальная ширина — 2,6 см, толщина — 0,4 см) являются самой многочисленной разновидностью деталей рукоятей луков населения булан-кобинской культуры. Похожие образцы, а также экземпляры «переходных» форм (от сегментовидных к дуговидным либо к трапециевидным) зафиксированы в памятниках сяньби Восточного Забайкалья конца I — начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 61, 5, 6; 62, 11, 12; 65, 5, 6]. Накладки дуговидной формы иногда встречаются в комплексах кокзельской культуры Тувы III–IV вв. н.э. [Kenk, 1984, Abb. 30; Николаев, 2001, табл. 106]. Находки луков, армированных похожими накладками, зафиксированы в памятниках Средней Азии и Южного Приуралья, относящихся ко второй половине II — III в. н.э. [Топрак-Кала..., 1984, рис. 88; 89, 2; Малашев, Яблонский, 2008, с. 59–60, рис. 170, 1, 2]. У населения Алтая луки со срединными боковыми накладками дуговидной формы появились в результате закругления окончаний сегментовидных накладок, имеющих прогнутое основание [Горбунов, 2006, с. 15]. Период использования таких предметов носителями булан-кобинской культуры определяется в широких рамках сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) с возможным «дожи-

¹ Выражаем благодарность к.и.н. С.С. Тур за предоставленные антропологические определения.

Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени...

ванием» отдельных экземпляров до начала VI в. н.э. Зафиксированная срединная тыльная наклад-ка представлена фрагментом из тонкой пластины длиной 17,5 см, шириной 1,7 см (рис. 3, 4). Датировка данного конструктивного элемента лука затруднена из-за его фрагментарности в части, касающейся оформления окончаний. Таким образом, общая хронология сложносоставного лука из кургана № 29а комплекса Чобурак-I может быть определена в рамках II–V вв. н.э.

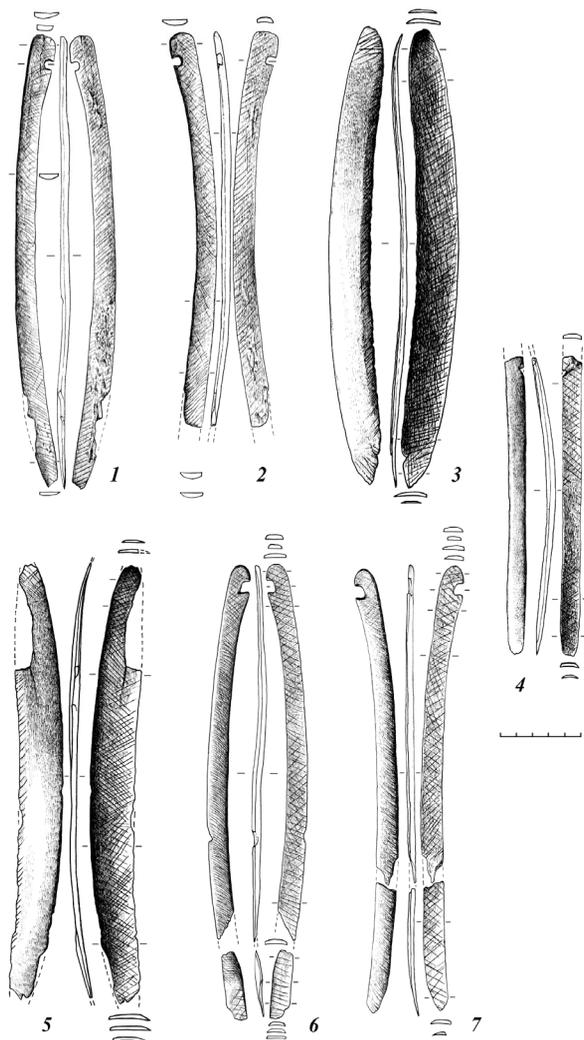

Рис. 3. Чобурак-I, курган № 29а. Костяные (роговые) накладки на лук.

Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 3. Choburak-I, mound 29a. Bone (horn) bow pads. Drawings by I.A. Chudilin.

Железные наконечники стрел с черешковым насадом. Несмотря на корродированность, шесть из семи обнаруженных проникателей сохранили основные морфологические характеристики, что позволяет классифицировать данные изделия. Среди них количественно преобладают трехлопастные образцы с геометрическим заостренным пером размерами 3–3,6×1,4–1,8 см: асимметрично-ромбические с кольцевым упором (1 экз.), ромбические без упора (1 экз.) и с кольцевым упором (1 экз.), шестиугольные с кольцевым упором (2 экз.) (рис. 4, 1–5). В центрально-азиатском регионе такие модификации без упора впервые стали применять хунну во II в. до н.э. — I в. н.э. [Цзвэндорж, 1985, рис. 14, 13; Худяков, 1986, рис. 5, 1–13; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 219, зур. 2, т. 251, зур. 3]. Присутствие данных наконечников в колчаных наборах народов восточной Евразии приобрело массовый характер во II–V вв. н.э. [Сорокин, 1956, с. 3–14; Худяков, 1986, с. 69–70, 92, 111, рис. 25; 27, 25, 26; 36, 1–3; 49, 1, 3; Левина, 1996, рис. 92, 21, 22, 26, 35–37, 46, 47, 50, 51, 54, 56–66; Горбунов, 2006, с. 30–31, рис. 25, 5, 6, 14–17, 23, 24, 27, 37, 39; и др.]. У населения буланкобинской культуры Алтая трехлопастные наконечники таких форм с кольцевым упором датируют-

ся в рамках III–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 54]. Ромбический экземпляр без упора имеет более широкую хронологию — II–V вв. н.э.

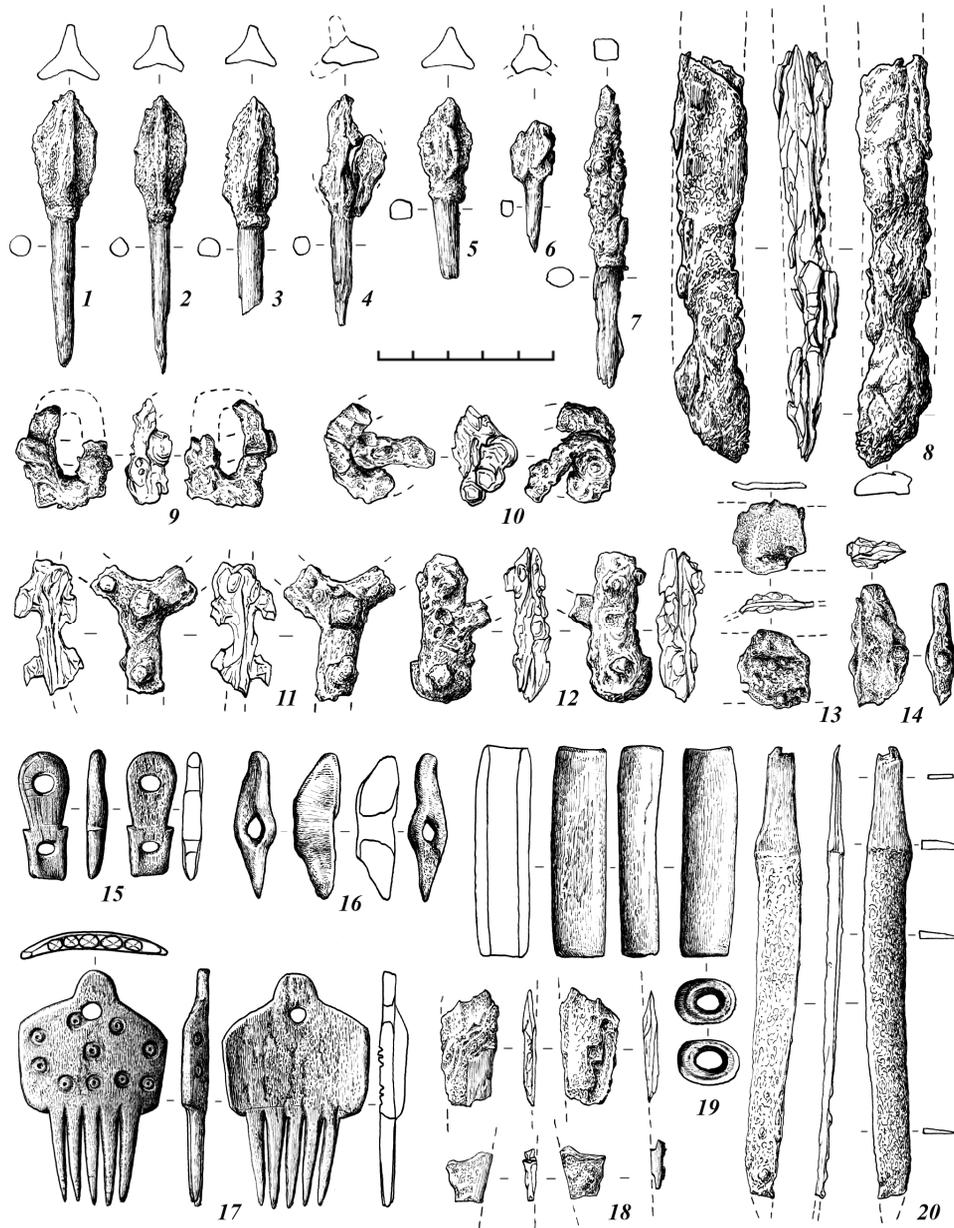

Рис. 4. Чобурак-I, курган № 29а. Предметы вооружения, элементы снаряжения, орудия труда и бытовые изделия:

1–13, 20 — железо; 14 — железо, бронза; 15–19 — кость, рог. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 4. Choburak-I, mound 29a. Weapons, pieces of equipment, tools and household items:

1–13, 20 — iron; 14 — iron, bronze; 15–19 — bone, horn. Drawings by I.A. Chudilin.

Наконечник с четырехгранным пером листовидной формы (размеры поражающей части 5,2×1 см), снабженный кольцевым упором, является достаточно редким образцом броневой проницателей (рис. 4, 7)². Наиболее раннее применение таких боевых средств зафиксировано у народов Средней Азии в последней четверти I тыс. до н.э. [Литвинский, 2001, с. 111]. В Центральной и Северной Азии четырехгранные наконечники встречаются с хуннского времени,

² Обратим внимание на то, что данный наконечник стрелы в погребении кургана № 29а находился отдельно от других подобных изделий, которые были зафиксированы в рамках одного скопления.

Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени...

являясь достаточно редкими в колчаных наборах во II в. до н.э. — III в. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. II, 29; Худяков, 1986, с. 31, рис. 6, 22; с. 71, рис. 27, 19, 21; Ширин, 2003, табл. LIII, 9–14; LV, 2; Тербат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 177, зур. 6; т. 178, зур. 9]. Достаточно многочисленная серия четырехгранных наконечников происходит из комплексов бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья IV–VI вв. н.э., а также из памятников Кореи V в. н.э. [Худяков, 1991, с. 56, рис. 26, 14, 23; Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 192–194; Ковычев, 2012, рис. 5]. находка подобного изделия свидетельствует о знакомстве населения жужанского времени, оставившего погребения некрополя Чобурак-I, с передовыми средствами поражения защитного доспеха, получившего широкое применение в Центральной Азии со второй половины IV в. н.э. под влиянием позднесяньбийской военной традиции. Датировка таких наконечников в материальной культуре «булан-кобинцев» определяется в рамках IV–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 55].

Железный нож зафиксирован в виде части клинка треугольного сечения длиной 11,4 см, шириной 2 см, имеющего обух толщиной около 0,4–0,5 см (рис. 4, 8). Данный образец коротко-клинкового оружия был помещен в ножны, от которых сохранились бортик из двух пластин-накладок прямоугольной формы с округлыми концами, соединявшимися между собой двумя (?) шпеньками с полусферическими шляпками (рис. 4, 12), а также элемент железной окантовки устья (рис. 4, 13). Аналогичные железные детали использовались в снаряжении населения булан-кобинской культуры в III–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 17–25].

Железные поясные пряжки с подвижным язычком на основании рамки вытянуто-овальной формы без щитка (рис. 4, 9–10) относятся к числу самых популярных модификаций застежек населения булан-кобинской культуры и датируются в рамках II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 30–31, 42–43].

Железный «распределитель ремней» с тремя неподвижными лопастями, фиксирующимися на ремнях с помощью шпеньков (рис. 4, 11), демонстрирует весьма редкую форму подобных изделий. Данный предмет не имеет аналогий в коллекции железных поясных гарнитур из памятников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени, а также среди трехлучевых распределителей с цельными лопастями из археологических комплексов раннесредневековых тюрок рассматриваемого региона.

Костяная (роговая) застежка с двумя овальными отверстиями (рис. 4, 15), зафиксированная чуть ниже элементов пояса, относится к редким элементам снаряжения населения булан-кобинской культуры. По облику рассматриваемое изделие напоминает экземпляры скифо-сакского времени (вторая половина VI — III в. до н.э.), применявшиеся в экипировке верхового коня [Суразаков, 1989, рис. 11]. Близкие по конструкции, но отличающиеся по форме застежки зафиксированы в комплексах Алтая второй половины III — V в. н.э. (Айрыдаш-1³, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Степушка, Яломан-II) [Мамадаков, 1990, рис. 28, 4; Соенов, 2000, рис. 3, 3; Тишкин и др., 2018, табл. 23, 2].

Костяная (роговая) фигурная застежка с одним овальным отверстием в центре (рис. 4, 16; 5, 2) имеет определенное сходство с элементами снаряжения человека и верхового коня из погребений булан-кобинской культуры III–IV вв. н.э. (Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I) и середины IV — V в. н.э. (Степушка, Дялян) [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 96]. За пределами Алтая аналогии данным предметам встречены в составе амуниции верхового коня сяньби конца I — начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 104, 3; 105, 9, 10; 106, 4; 107, 2; 111, 4; 112, 3, 10, 11, 15; 113, 6].

Костяная рукоять плети представляет собой овальную в сечении гладкую трубочку (6×1,2–1,7 см) без поперечных отверстий и декора (рис. 4, 19; 5, 3). Подобные предметы с гладким и рельефным корпусом представляют довольно частую находку в археологических материалах булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. [Глоба, 1983, табл. V, 6; VI, 1–2; Мамадаков, 1990, рис. 19, 7; 25, 10; 26, 12; 28, 19; 29, 2, 4, 7; Бобров и др., 2003, рис. 18, 9; Тетерин, 2016, рис. 1, 2; Тишкин и др., 2018, табл. 39, 1, 2; и др.]. Больше всего таких трубочек происходит из некрополей Булан-Кобы-IV, Айрыдаш-I, Дялян, Белый Бом-II. На сопредельных территориях они встречены в памятниках хунну Забайкалья, «кокэльцев» Тувы, у тесинских и раннеташтыкских племен Среднего Енисея, а также у населения Верхнего Приобья [Тетерин, 2016, с. 87–89]. Заслуживает внимания тот факт, что в захоронениях детей и подростков населения булан-кобинской культуры Алтая костяные детали плетей представляют исключительную редкость (до 2 %). В основном подобные изделия являются элементом сопроводительного инвентаря в захоронениях взрослых мужчин [Серегин, Матренин, 2020, с. 59–62].

³ Выражаем благодарность к.и.н. В.И. Соенову за предоставленную возможность работы с неопубликованными археологическими материалами.

Рис. 5. Чобурак-I, курган № 29а. Предметы инвентаря из погребения:
1–3 — кость, рог; 4 — железо. Фотоснимки выполнены Н.Н. Серегиним.
Fig. 5. Choburak-I, mound 29a. Inventory from the burial:
1–3 — bone, horn; 4 — iron. Photo by N.N. Seregin.

Костяной (роговой) гребень имеет выделенную рукоять пятиугольной формы с отверстием для подвешивания в выступающем ушке, отделенную от зубьев двумя уступами. Лицевая сторона рукояти изделия украшена «циркульным» орнаментом (рис. 4, 17; 5, 1). Типология гребней населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени требует целенаправленного исследования, что выходит за рамки настоящей публикации. Приходится констатировать, что датировка данных предметов туалета в основном привязана к относительной хронологии закрытых комплексов, в которых они были найдены. Экземпляр, близкий по оформлению рукояти, но имеющий иные пропорции и вырезы на боковых сторонах, зафиксирован в ходе раскопок некрополя Айрыдаш-I⁴ [Соенов, 1998, с. 561, рис. 1]. Система орнаментации, зафиксированная на гребне из комплекса Чобурак-I, имеет единичные аналогии в декоре костяных изделий из булан-кобинских памятников конца III — V в. н.э. (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Кок-Паш [Глоба, 1983, табл. VI, 1; Бобров и др., 2003, рис. 6, 24]. За пределами Алтая гребни, имеющие пятиугольную рукоять с ушком и без него, отделенную от зубьев уступами, а также без таковых обнаружены в материалах кулайской культуры Новосибирского Приобья рубежа тысячелетий [Новиков, Сергеева, 2010, рис. 1, 9, 19]. Поздний экземпляр гребня с боковыми уступами и пятиугольной рукоятью найден в тюркском погребении на территории Тувы [Вайнштейн, 1966, табл. VI, 4].

Железный короткоклинковый нож из насыпи кургана № 29а (рис. 4, 20, 5, 4) имеет треугольный в сечении клинок (длиной до 11 см) со слегка выгнутой спинкой (обухом) и гладкий металлический черен, на который насаживалась прямая отдельно изготовленная рукоять из органического материала (не сохранилась). Со стороны лезвия имеется плечико. Бытовые ножи с подобными морфологическими характеристиками пользовались большой популярностью у носителей булан-кобинской культуры Алтая в рамках сяньбийско-жужанского времени (III — первая половина V в. н.э.) [Тишкин и др., 2018, с. 126].

Культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация погребения

Проведенный анализ предметного комплекса позволяет определить относительную хронологию кургана № 29а комплекса Чобурак-I в широких границах — III–V вв. н.э. При этом наиболее

⁴ На основании зафиксированных особенностей оформления ременных гарнитур данный объект датируется не ранее IV в. н.э. [Матренин, 2017, с. 66, 76, 111–112, 116, 118].

Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени...

поздние категории сопроводительного инвентаря из захоронения указывают на возможность сужения представленной датировки в рамках второй половины IV — первой половины V в. н.э. Данное заключение подтверждается результатами изучения материалов раскопок других объектов обозначенного могильника [Серегин и др., 2018, 2019, 2020 и др.].

Для уточнения времени сооружения объектов эпохи Великого переселения народов комплекса Чобурак-I осуществлен радиоуглеродный анализ серии образцов, один из которых происходит из кургана № 29а. Данная работа была проведена в лаборатории 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания) (14CHRONO Centre, Queens University, Belfast, аналитик С.В. Святко).

UBA-37793. Чобурак-I, курган № 29а, некондиционные кости человека. Радиоуглеродный возраст — 1598 ± 34 л.н. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3 %) cal AD 487–534 (0.563); по 2δ (sigma) (95,4 %) cal AD 395–542 (1.000). Приводимые калибровочные показатели получены при использовании программы RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM CALIB REV7.0.0.

С учетом полученных результатов радиоуглеродного анализа органических образцов из других объектов некрополя Чобурак-I представленные данные демонстрируют археологический возраст погребения кургана № 29а в рамках второй половины IV — первой половины V в. н.э.

Элементы погребального обряда, зафиксированные в ходе раскопок кургана № 29а, отражают параметры похоронной практики, характерные для разных групп носителей булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени. К ним относятся следующие показатели: размещение объекта на площади кладбища в составе ряда тесно расположенных насыпей, образующих цепочку меридиональной направленности; невысокая каменная наброска небольшого размера с овальной крепидой в основании; узкая и не глубокая могильная яма, ориентированная с отклонением от линии запад — восток; деревянная внутримогильная конструкция; ингумация вытянута на спине, головой в северо-западный сектор горизонта. Интерпретацию рассматриваемого объекта в рамках отдельных традиций скотоводов региона II–V вв. н.э. следует осуществлять в контексте погребального обряда взрослого населения, оставившего некрополь Чобурак-I. В этой связи необходимо подчеркнуть, что все мужские и женские захоронения обозначенного могильника булан-кобинской культуры относятся к дялянской традиции, одной из важных отличительных черт которой выступало своеобразное размещение лошади, уложенной в «ногах» человека и частично перекрывающей от трети до половины тела покойного [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162]. Отмечено, что носители дялянской традиции погребального обряда составляли элиту булан-кобинского общества Северного Алтая жужанского времени [Серегин, Матренин, 2020, с. 129].

Материалы рассматриваемого захоронения молодого человека позволяют сделать ряд наблюдений об особенностях социальной истории населения Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья.

Прежде всего, важно обратить внимание на присутствие в составе инвентаря умершего индивида 13–15 лет вещей, редких для погребальной обрядности представителей данной возрастной группы населения булан-кобинской культуры. Наиболее показателен в этом плане набор предметов вооружения (сложносоставной лук, наконечники стрел, в том числе один бронебойный, железный нож в ножнах) и снаряжения (пояс, различные ременные гарнитуры). Судя по имеющимся материалам, обозначенные изделия являлись атрибутом сопроводительного инвентаря взрослых мужчин в традициях населения региона эпохи Великого переселения народов. Так, при исследовании некрополей булан-кобинской культуры предметы вооружения обнаружены в погребениях девяти детей и подростков (не более 5 % от общего количества раскопанных объектов). Установлено, что присутствие оружия определенно указывает на высокое прижизненное положение умерших детей, которое было обусловлено главным образом происхождением и, вероятно, в меньшей степени — индивидуальными особенностями их физиологического развития [Серегин, Матренин, 2020, с. 43–44]. Другим атрибутом захоронений взрослых мужчин выступала плеть с костяной рукоятью. Напротив, практически исключительно в женских погребениях зафиксированы гребни, являвшиеся «престижным» элементом материальной культуры населения Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. [Серегин, Матренин, 2020, с. 66].

Состав инвентаря показывает, что с формальной точки зрения подросток из погребения кургана № 29а мог уже преодолеть один из этапов обряда инициации при переходе во взрослое состояние. Вместе с тем умерший был похоронен без верхового коня, что является отклонением от нормы для лиц старше 13 лет у тех групп населения булан-кобинской культуры, которые практиковали ингумацию с лошадью. Обратим внимание на то, что на площади некрополя Чо-

бурак-I кроме рассматриваемого случая зафиксировано еще одно труположение без коня с останками ребенка [Серегин и др., 2018]. Важно заметить, что данная детская могила располагалась в составе одной цепочки с публикуемым комплексом, а также примыкала к кургану, сохранившему женское погребение [Серегин и др., 2019].

При интерпретации материалов раскопок кургана № 29а следует учитывать наблюдение заведующей кабинетом антропологии Института истории и международных отношений АлтГУ к.и.н. С.С. Тур о том, что физическое развитие скелета данного индивида несколько отставало от состояния зубного аппарата, указывающего на биологический возраст 13–15 лет. Несмотря на предварительный характер этих сведений (для обоснованного заключения требуется проведение целостного анализа всей популяции Северного Алтая жужанского времени), они дают возможность объяснить «особый» социальный статус подростка, получивший отражение в реализованной обрядовой практике. Если данное предположение верно, то специфика прижизненного положения погребенного определялась состоявшимся в связи с его возрастом и довольно высоким статусом семьи «переходом» данного индивида во взрослое состояние, но при этом сохранением некоторых ограничений, обусловленных особенностями его физического развития.

Заключение

Публикуемые материалы раскопок кургана № 29а некрополя Чобурак-I являются важным источником для исследования ряда аспектов истории населения Северного Алтая в жужанское время. Изучение предметов сопроводительного инвентаря, а также результаты радиоуглеродного анализа позволили установить датировку комплекса в рамках второй половины IV — первой половины V в. н.э. Зафиксированные элементы обряда демонстрируют особенности похоронной практики, характерные для одной из групп кочевников булан-кобинской культуры. В контексте погребального обряда взрослого населения, оставившего данный могильник, захоронение индивида 13–15 лет из кургана № 29а относится к дялянской традиции, носители которой составляли элиту общества скотоводов Северного Алтая в жужанское время.

Публикуемые археологические источники свидетельствуют об особом («переходном») индивидуальном статусе умершего в социуме номадов. В составе сопроводительного инвентаря этого молодого человека представлен набор предметов, характерных для захоронений взрослых людей, причем отдельные изделия относились к числу «престижных» элементов материальной культуры населения Алтая эпохи Великого переселения народов. При этом в могиле отсутствовал верховой конь, являвшийся обязательным атрибутом полноценных взрослых членов общества. Вероятно, специфика прижизненного положения покойного определялась, с одной стороны, достижением определенного возраста и его принадлежностью к довольно богатой семье, а с другой — ограничениями в физическом развитии.

Дальнейшие исследования археологических комплексов Алтая жужанского времени, важной частью которых должно стать детальное антропологическое изучение материалов, позволят существенным образом расширить и детализировать представления об этносоциальной истории населения региона на рубеже поздней древности и раннего средневековья.

Финансирование. Анализ и культурно-хронологическая интерпретация публикуемого комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФ (проект № 20-78-10037). Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет-2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Бородовский А.П.* Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.
- Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Глоба Г.Д.* Раскопки курганного могильника Белый-Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Дьяконова В.П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзель (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 80–209.

Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени...

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катунь: (Результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 80 с.

Ковычев Е.В. К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. 2012. №9. С. 129–146.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 396 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. лит., 2001. Т. 2. 528 с.

Малашев Ю.В., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка-10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Новиков А.В., Сергеева Ю.К. Классификационные признаки гребней Западной Сибири // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 7: Археология и этнография. С. 126–135.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е. (отв. ред.). Топрак-Кала: Дворец. М.: Наука, 1984. 304 с.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): По материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XXIV. С. 136–144.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4. С. 51–68.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3. С. 99–118.

Соенов В.И. Классификация и хронология гребней гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 559–563.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 48–62.

Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. 1956. Т. XXVI. С. 97–117.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.

Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. № 3. С. 87–96.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Тэрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (На монг. яз.).

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–87.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Эрдэнэ-Очир Н. Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологийн судлал. 2011. Т. XXXI. С. 183–220.

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. München: Verlag C.H. Beck, 1984. Bd. 25. 202 S.

ИСТОЧНИКИ

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Seregin N.N.*, Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S.

Altai State University, Lenin av., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); tishkin210@mail.ru (Tishkin A.A.);
matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.); taty-parshikova@yandex.ru (Parshikova T.S.)

Unusual burial of an adolescent with military equipment from the Rouran time necropolis of Choburak-I (Northern Altai)

In this article we introduce into scientific discourse and provide diverse interpretation of the extraordinary burial of a young man of 13–15 years old, investigated during the excavation of the necropolis of the Bulan-Koby Archaeological Culture within the Choburak-I funeral and memorial complex. This site is located on the right bank of the Katun River, 3.6 km south from the Elanda Village in the Chermal District, Altai Republic. The unique nature of this object (mound no. 29a) is determined by the presence of a full-fledged “male” inventory with the deceased, including long-range weapons (bow and arrows with iron tips) and close combat (knife in a scabbard), items of equipment (belt buckles, distributors, fasteners), whip with a bone handle. In addition, a bone comb was discovered in the grave, which is traditionally an attribute of grave goods in female burials of the Altai population of the Xianby-Rouran period. At the same time, there was no riding horse in the burial, which was a mandatory attribute of funeral practice for full-fledged members of society. A comparative study of different categories of weapons, equipment, tools and household utensils, as well as comparison of the obtained results with radiocarbon dates, made it possible to establish the chronology of the published complex within the second half of the 4th — first half of the 5th c. AD. In the context of the funeral rite of adult population who used the Choburak-I burial ground, the grave of an adolescent from mound no. 29a belongs to the Dyalan tradition, whose representatives were the elite of the society of cattle breeders in the Northern Altai during the Rouran period. The analysis of the obtained materials testifies to the special (“transitional”) individual status of the deceased person in the nomadic society of the Bulan-Koby Culture in the middle of the 1st mil. AD. Probably, the specificity of the deceased's life position was determined, on the one hand, by reaching a certain age and belonging to a fairly wealthy family, and by limitations in physical development recorded in the course of anthropological research, on the other hand.

Keywords: Altai, Bulan-Koby Culture, Rouran time, burial, chronology, interpretation, social history.

Funding. The analysis and cultural-chronological interpretation of the published complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037). Processing materials of the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

REFERENCES

- Bobrov, V.V., Vasiutin, A.S., Vasiutin, S.A. (2003). *Eastern Altai in the Great Migration Period*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (1994). Study of one of the funerary and memorial complexes of the ancient Turkic time on the Middle Katun. In: *Arkheologiya Gornogo Altaia*. Barnaul: Altai State University Publ. 75–82. (Rus.).
- D'iakonova, V.P. (1970). Large burial mounds-cemeteries at the Kokel burial ground (according to the results of excavations at 1963, 1965). In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. Leningrad: Nauka, 80–209. (Rus.).
- Erdene-Ochir, N. (2011). Armaments of the three ancient states of Korea from the Seoul National University Museum. *Arkheologijn sudlal*, (31), 183–220. (Rus.).
- Globa, G.D. (1983). Excavation of the Bely-Bom-II burial mound. In: *Arkheologicheskie issledovaniia v Gornom Altae v 1980–1982 godakh*. Gorno-Altai: GANI IIIaL, 116–126. (Rus.).
- Gorunov, V.V. (2006). *Military affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Part II: Offensive armament (weapons)*. Barnaul: Altai State University Publ. (Rus.).
- Kenk, R. (1984). *Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. Band 25*. München: Verlag C.H. Beck.
- Khudiakov, Iu.S. (1986). *Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (1991). *Armament of Central Asian nomads in the early and developed Middle ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kiriushin, Iu.F., Grushin, S.P., Semibratov, V.P., Tiurina, E.A. (2010). *Afanasyevo burial complexes of the Middle Katun: (Results of the research of the Katun archaeological expedition in the zone of construction and flooding of the Altai hydroelectric power station in 2006–2007)*. Barnaul: Altai State University Publ. (Rus.).

* Corresponding author.

Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени...

- Kovychev, E.V. (2012). To the history of the early Mongols in Transbaikalia. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*, (9), 129–146. (Rus.).
- Levina, L.M. (1996). *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region at 1st millennium BC — 1st millennium AD*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Litvinskii, B.A. (2001). *Temple of Oks in Bactria (Southern Tajikistan). Bactrian armament in the ancient Eastern and Greek context. Vol. 2*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Malashev, Iu.V., Iablonskii, L.T. (2008). *Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian time: Based on materials from the Pokrovka-10 burial ground*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Matrenin, S.S. (2017). *Equipment of Altai nomads (II century BC — V century AD)*. Novosibirsk: SB RAS Publ. (Rus.).
- Novikov, A.V., Sergeeva, Iu.K. (2010). Classification features of the ridges of Western Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya*, (7), 126–135. (Rus.).
- Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E. (Eds.) (1984). *Toprak-Kala: Palace*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Semibratov, V.P., Matrenin, S.S. (2008). Investigation of burial and memorial monuments of the Turkic culture in the construction zone of the Altai hydroelectric power station in 2007. In: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani*. Barnaul: Altai State University Publ., 54–66. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *Funeral rite of Altai nomads in the II century BC — XI century AD*. Barnaul: Altai State University Publ. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): Based on the materials of archaeological complexes*. Barnaul: Altai State University Publ. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Matrenin, S.S. (2018). Beginning of research into the necropolis of the Syanbei-Zhuzhan period at the Choburak-I complex (Northern Altai). In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledia Altaiskogo kraia*. Barnaul: Altai State University Publ., 136–144. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2019). Burial of the Rouran period from Northern Altai (based on materials from the Choburak-I burial ground). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani*, (4), 51–68. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2020). New materials for the study of ranged weapons among the population of northern Altai in the Rouran period. In: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani*, (3), 99–118. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2003). *Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD: (Funerary monuments of the Fominka culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).
- Soenov, V.I. (1998). Classification and chronology of the ridges of the Hunno-Sarmatian time of Gorny Altai. In: *Sibir' v panorame tysiacheletii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 559–563. (Rus.).
- Soenov, V.I. (2000). Results of excavations at the Verkh-Uimon burial ground in 1999. In: *Drevnosti Altaia*. Gorno-Altai: GAGU, 48–62. (Rus.).
- Sorokin, S.S. (1956). Central Asian undercut and catacomb burials as monuments of local culture. *Sovetskaiia arkheologiya*, (26), 97–117. (Rus.).
- Surazakov, A.S. (1989). *Gornyi Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age: Problems of chronology and cultural delimitation*. Gorno-Altai: Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-va. (Rus.).
- Teterin, Iu.V. (2016). Handles of the whips of the nomads of the Xiongnu time of Southern Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya*, (3), 87–96. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Shmidt, A.V. (2018). *Altai in the Xianby-Rouran time (based on materials from the Stepushka site)*. Barnaul: Altai State University Publ. (Rus.).
- Tsevendorzh, D. (1985). New data on Xiongnu archeology (based on materials from 1972–1977 excavations). In: *Drevnie kul'tury Mongolii*. Novosibirsk: Nauka, 51–87. (Rus.).
- Terbat, Ts., Amartyvshin, Ch., Erdenebat, U. (2003). *Archaeological sites in the Egiin gol river basin (from Bronze Age to Mongolian period)*. Ulaanbaatar: Ulsyn bagshiih ikh surguul' Mongolyn tyykhiin tenkhim. (Mong.).
- Vainshtein, S.I. (1966). Monuments of the second half of the 1st millennium in Western Tuva. In: *Trudy Tuvinской kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. Moscow, Leningrad: Nauka, 292–334. (Rus.).

Серегин Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>
Тишкин А.А., <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>
Матренин С.С., <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>
Паршикова Т.С., <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.12.2021

Article is published: 21.03.2022